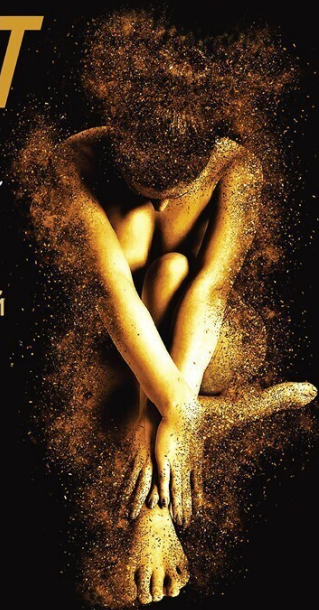

Тантрический Квест

Даниэль Оубе

Встреча с
абсолютной
любовью

Даниэль Одье

Тантрический квест. Встреча с абсолютной любовью

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49651298

*Тантрический квест: встреча с абсолютной любовью / Одье Д.: Весть;
Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-9573-3552-8*

Аннотация

В 1968 году Даниэль Одье покинул римскую Академию изящных искусств и отправился в предгорья Гималаев, чтобы фотографировать тибетскую живопись. Ему было двадцать три года, и он, очарованный восточными мистическими учениями, искал учителя, чтобы проникнуть туда, куда не могли привести его священные тексты и интеллект. В этом путешествии Одье открыл для себя шиваистский тантризм – тайный духовный путь, направленный на выход за пределы эго и открытие божественного начала через энергию страсти. Эта древняя философия пережила все исторические потрясения и сторонние влияния и дошла до нас благодаря непрерывной передаче знания от учителя к ученику.

После нескольких месяцев духовных поисков Одье встретил Дэви, великую женщину-йогиню, которая пригласила его в мистическое путешествие. Иногда расширяя границы его

сексуального опыта, иногда угрожая ему смертью, она учила его тому, что значит быть по-настоящему живым, и помогла осознать божественную природу абсолютной любви.

Через историю своих отношений с Дэви Одье открыто и просто рассказывает о философии и практиках тантризма, которые освобождают накопленные негативные энергии и позволяют нам заново открыть гармонию, полноту и свободу быть собой, наслаждаясь полным контактом с реальностью и Вселенной.

Содержание

Введение	12
Глава 1	16
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Даниэль Одье
Тантрический
квест: встреча с
абсолютной любовью**

*Посвящается Калу Ринпоче
и Дэви, моим учителям*

Daniel Odier

Tantric Quest: An Encounter with Absolute Love

*На самом деле, каждое тело —
это Вселенная.*

МАХАНИРВАНА-ТАНТРА

Перевод с английского *Сергея Комарова*

Перевод на русский язык осуществлен с помощью агентства «Montse Cortazar Literary Agency» (www.montsecortazar.com).

© 1996, 1997 by Daniel Odier

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ОАО «Издательская группа «Весь», 2019

Дорогой Читатель!

Искренне признателен, что Вы взяли в руки книгу нашего

издательства.

Наш замечательный коллектив с большим вниманием выбирает и готовит рукописи. Они вдохновляют человека на заботливое отношение к своей жизни, жизни близких и нашей любимой Родины. Наша духовная культура берёт начало в глубине тысячелетий. Её основа – свобода, любовь и сострадание. Суровые климатические условия и большие пространства России рождают смелых людей с чуткой душой – это идеал русского человека. Будем рады, если наши книги помогут Вам стать таким человеком и укрепят Ваши добродетели.

Мы верим, что духовное стремление является прочным основанием для полноценной жизни и способно проявиться в любой области человеческой деятельности. Это может быть семья и воспитание детей, наука и культура, искусство и религиозная деятельность, предпринимательство и государственное управление. Возрождайте свет души в себе, поддерживайте его в других. Именно это усилие создаёт новые возможности, вдохновляет нас на заботу о ближних, способствуют росту как личного, так и общественного благополучия.

Приглашаю Вас принять участие в деятельности Центра сознательного развития «Автор Жизни»: www.av-z.ru

Искренне Ваш,

Владелец Издательской группы «Весь»

A stylized, handwritten signature in black ink. It features a large, flowing initial 'P' on the left, followed by a series of overlapping loops and a final, sharp, zig-zagging tail on the right.

Пётр Лисовский

Введение

Шиваистский тантризм Кашмира занимает важное место в истории мысли. Это мистическое, научное и художественное движение дравидийской культуры, возникшее семь тысяч лет назад в долине Инда, охватывает весь человеческий потенциал и отводит особое место адепту, который полностью посвятил себя этому пути познания. Вероятно, тантризм это единственная древняя философия, которая пережила все исторические потрясения, вторжения и влияния и пришла к нам в целостности и сохранности путем непрерывной передачи от учителя к ученику, а также единственная, сохранившая образ Великой Богини, не перераспределив власть между женщиной и мужчиной в пользу последнего. Великие женщины-учителя основали целые линии преемственности, и до сих пор многочисленные йогини передают эту вековую мудрость. Великие мужчины-учителя часто использовали обычай инициации учениц для получения силы.

Дравиды, которые были хорошими мореплавателями, построили великие города Мохенджо-Даро и Хараппа. Их цивилизация простиралась от долины Инда, на территории со-

временного Пакистана, до Красного и Средиземного морей. Вторжение арийских племен с Украины три тысячи лет назад положило конец дравидийской цивилизации, но мощное мистическое движение, лежащее в ее основе, сохранилось. Учителя тайно покинули захваченные цитадели и поселились в сельской местности и в труднодоступных местах по всем Гималаям.

Шиваистский тантризм вновь открыто появился в начале IV века н. э. в Кашмире, расположенном на перекрестке великих культурных и торговых путей. Кашмир был частью таинственной страны Уддияны, расположенной между Афганистаном, Индией и Пакистаном. Ее долины раскинулись по берегам реки Сват, места рождения многочисленных махасиддхов и дакини, великих тантрических инициаторов, которые распространяли учение по всей Индии, Непалу, Китаю и Тибету.

Шива и Шакти, неразлучная божественная пара, являются богами экстатического танца и создателями йоги, которая позволяет адептам находить божественное в глубине собственного разума, открывая сердце.

На Западе обычно воспринимают Вселенную, основываясь на двойственности: вначале «отделил Бог свет от тьмы» (Бытие 1:3). Важно понять, что тантризм не предполагает никакого разделения на свет и тьму, людей и богов. Он не двойственен. С точки зрения тантризма разум, по сути,

просветлен. Иными словами, разум вмещает всю божественность. Это источник, из которого все рождается и к которому все возвращается: все явления, все различия, все мифические и божественные существа, все священные тексты, все учения, все иллюзорные двойственности. И цель тантристов состоит в том, чтобы освободиться от иллюзорных неясностей, из которых возникает эго, порождающее эти различия. Так адепты тантризма осознают собственную природу в сущности чистого разума.

В рамках дуалистического мышления мы представляем Бога вне нас и направляем желание единения вовне. При отсутствии двойственности духовный поиск идет в обратном направлении. Мистическая энергия направлена внутрь, обращена к разуму. Осознание природы разума, таким образом, является высшим достижением. Согласно этой концепции огонь страсти больше не считается несовместимым с мистической жизнью. Тантрист стремится познать и пробудить энергию, скрытую в теле, и пламя этого великого пожара растворяет эго.

Излишне говорить, что широко распространенное представление, согласно которому тантризм сводится к неким сексуальным техникам чудесного освобождения под видом духовности, не имеет ничего общего с шиваизмом. Такие практики неэффективны, так как не основаны на истинном аскетизме йоги, который базируется на овладении техниками дыхания и телесной осознанности, а также на достиже-

нии состояния ясности и пустоты. В лучшем случае подобные практики являются лишь безвредными девиациями, если речь не идет о манипуляции.

Тантризм – это путь абсолютной любви, который дает свободу быть самим собой.

Хочу рассказать историю моей встречи с великой йогиней и знакомства с ее учением – и поделиться этим чудесным опытом.

Глава 1

Ее темная кожа благоухала и была умащена маслами, казалось, что йогиня плыла в пространстве, ноги ее были расставлены v-образно, лицо ее светилось. Ее открытые половые органы, где все зарождается и куда все возвращается, излучали золотистый свет, гармонично сочетающийся с синевой неба. Я по-прежнему зачарованно сидел рядом с китайским йогом, который пригласил меня в свое жилище. Йогиня, его спутница, одновременно близкая и далекая, тело и дух, сила и дар, восседающая в йогической позе, была воплощением необычайного потенциала.

Этот йог практиковал тантризм и чань-буддизм, или дзен-буддизм китайского происхождения, следуя примеру индийского учителя шестого века Бодхидхармы, продолжателя этих двух линий. Двадцать восьмой патриарх после Будды и первый патриарх дзен-буддизма Бодхидхарма прибыл в Китай морем и обосновался в знаменитом монастыре Шаолинь, где он провел девять лет, медитируя перед каменной стеной, прежде чем передать дхарму (учение) Хуэй-кэ, второму китайскому патриарху.

Диалог между Бодхидхармой и китайским императором У из династии Лян, защитником буддизма, который был озадачен лаконичными ответами первого патриарха, до сих пор хорошо известен:

– Какую добродетель я приобрел, поддерживая буддизм и строя так много храмов?

– Никакой.

– Каков высший смысл священной истины?

– Ничто не священо. Все пусто.

– Кто стоит передо мной?

– Я не знаю.

Учение Бодхидхармы основано на четырех принципах.

- *Прямая передача, кроме буддийских писаний.*
- *Опора не на тексты, а на опыт пробуждения.*
- *Открытие каждому ученику природы его разума.*
- *Созерцание своей истинной природы, которая является природой Будды.*

Мы можем видеть, что эти четыре основных постулата соответствуют учениям тантрического шиваизма, которые являются их источником.

Когда я уезжал, хозяин передал мне копию своего комментария и перевода Виджняна-бхайрава-тантры, одного из самых древних и глубоких тантрических текстов, высоко ценимых шиваитами. Эта тантра позволила мне узнать о Ве-

ликой Богине и пути, который семь лет спустя в другой части Индии привел меня к встрече с моим учителем, шиваистской йогиней Дэви.

Мой интерес к буддизму, индуизму и тантризму проявился очень рано. Обучаясь в суровом протестантском аббатстве у подножия высокой скалы, я открыл для себя великолепие религиозных служб и увлекся ими. Там я иногда служил в малиновом одеянии, отделанном кружевом. Местный епископ, сказочные сокровища, подаренные аббатству Карлом Великим, фантастически талантливый органист и превосходный хор, частью которого стал я сам, пленили меня с самого начала. Очень строгие занятия и месса в 6:30 каждое утро, а затем полчаса работы перед завтраком – это то, что было необходимо для выработки моего характера. Телесные наказания все еще практиковались – набор различных пыток, таких как стояние на коленях в течение часа со скрещенными руками и словарем в каждой руке. Иногда в свободное время нас заставляли бесконечными часами переписывать тексты латинских авторов или страницы из словаря «Малый Ларусс». По ночам мы молча выходили из огромных спален и устраивали странные встречи на крышах, куда приходили покурить и поговорить о любви. В таких местах мы чувствовали жуткое одиночество и невыносимую нехватку любви; бывали попытки самоубийства, вынужденные откровения, кровавые драки, от которых у меня до сих пор остались шрамы, и грязные любовные истории. Тем не ме-

нее непревзойденное мастерство учителей, их религиозное рвение, личность директора, который носился на мотоцикле в развевающейся на ветру сутане, и общая атмосфера места пленили меня.

В тот период подруга моих родителей, красивая и бунтарская художница, которая была немного похожа на Аву Гарднер и ездила на красной «Альфа Ромео», начала поощрять мою страсть к искусству вообще и живописи в частности. По ее совету я занялся рисованием. Вернувшись в Женеву, откуда я родом, продолжил учебу в другом религиозном колледже, гораздо менее строгом, хотя один из учителей любил давать нам «динамо» – устройство, которое могло мощно взрываться, хотя и считалось безвредным.

Я мог приезжать к родителям каждые выходные и пользоваться этой возможностью, чтобы навещать свою наставницу и часами говорить с ней о живописи, музыке и литературе. Я был безумно влюблен в нее.

На мой шестнадцатый день рождения она пригласила меня на ужин в роскошный ресторан. Сидя в больших удобных креслах, мы ужинали при свечах. Я думал только о том, как признаться ей в любви. В тот вечер она дала мне прочесть Бхагавад-Гиту, один из ключевых индуистских текстов, с комментарием Шри Ауробиндо, великого мудреца, на которого тантризм оказал глубокое влияние. Этот «духовный» подарок только раздул пламя. И мое сердце стало напоминать один из трех лотосов, изображенных на шафрановой

суперобложке этого бесценного собрания мудрости, многие книги которого я впоследствии открыл для себя.

Что касается моей страсти, то она осталась тайной. В качестве утешения позже я получил доступ к пятитомнику «Жизнь божественная», главной работе этого великого индийского философа. Затем, все еще тайно влюбленный, я получил трехтомник Д. Т. Судзуки «Очерки по дзен-буддизму». Теперь моей единственной страстью было стать мистиком. Мне помогли в этом священники. Дважды они конфисковали мои книги Ауробиндо, которые я немедленно купил снова. Если бы не они, разве стал бы я с таким упорством цепляться за эти сложные книги?

Спустя некоторое время моя любовь уговорила меня сдать конкурсный экзамен в римскую Академию изящных искусств, и я выиграл стипендию. В Риме я познакомился с молодой актрисой из труппы Кармело Бене и влюбился. Именно там я почувствовал вкус полной свободы в чудесных цветах охры, садах, фонтанах, ароматах сосен и эвкалиптов и возбуждении толпы, когда друг с другом встречаются художники из всех стран мира. Это была та жизнь, о которой я мечтал холодными ночами в годы учебы в аббатстве. Тогда, в душной атмосфере деревни, я чувствовал себя как в замкнутом пространстве.

Конечно, я привез с собой любимые книги, совершенно потрепанные, и тщетно пытался совместить чудесную, неистовую жизнь с уроками мудрости великих учителей

дзен-буддизма. Я испытал сильную разрушительную страсть, а затем – более гармоничную любовь. Я покинул Рим, чтобы поселиться в Сперлонге, маленькой белой деревушке, возвышавшейся над морем, и, забросив живопись, начал работать над своим первым романом.

Покинув римскую Академию изящных искусств, я познакомился с художественным редактором Альбертом Скирой. Я был восхищен тибетской живописью и предложил ему издать книгу. Скира, впечатленный моим энтузиазмом, сравнимым только с моим невежеством, заставил меня взять несколько уроков художественной фотографии.

Подобрав необходимое оборудование, я отправился в Индию фотографировать картины. Я даже решил найти способ примирить свой фантастический аппетит к жизни с практикой мудрости, чего я не мог добиться одним лишь чтением, и эта проблема держала меня в состоянии постоянного дисбаланса. Моя страстная чувственная жажда не могла прийти в равновесие с духовными устремлениями. Я постоянно разрывался между духом и плотью и не понимал, как достичь полностью очаровавшей меня безмятежности, уходящей корнями глубоко в жизненную реальность.

Похоже, в душе я не был аскетом. Я не мог представить себя живущим в пещере. Я хотел всего: красоты, искусства, плоти, ярких эмоций, любви, чувственности и духовности. Мне казалось, что наша система западной мысли, основанная на разделении, жертве, первородном грехе, чувстве ви-

ны и страдании, не могла оправдать моих ожиданий, несмотря на блестящие мысли, которые я обнаружил у греческих философов досократического периода и некоторых христианских мистиков.

Осенью 1968 года я прибыл в зеленые предгорья Гималаев. Мне было двадцать три года. Я искал учителя, который мог бы помочь мне проникнуть туда, куда священные тексты и интеллектуальные поиски больше не могли вести меня. Я искал способ объединить все мои стремления и изыскания, а также использовать поразительную энергию страсти в сочетании с божественным.

Я наивно выделил себе целый год на интенсивную практику и решил позволить Шакти вести меня к тому, кто поможет проникнуть в суть тантрического учения. Я и не подозревал, что этот путь займет четверть века. Двадцать пять лет, в течение которых я буду задавать вопросы, мечтать, упражняться, переживать успех и неудачи, страдать и радоваться, а затем наконец брошу все, что в 1993 году неожиданно выльется в то, что я не представлял возможным: посвящение в махамудру и открытие сердца.

Махамудра, или «Великая печать», является последней инициацией школы тибетского буддизма Кагью, в ходе которой учитель показывает ученику природу его истинного разума и передает ему способность непосредственного понимания.

Если этот процесс проходит успешно, то это не-метод

(анупайя) в противоположность всем постепенным стадиям и предварительным посвящениям. Как только природа разума осознана, больше нет никакого дуализма и, следовательно, нет никакого метода, никакой цели, и больше ничего не нужно делать, кроме как позволять всему быть, сохраняя разум в его естественном состоянии – спокойном, пробужденном, божественном.

Глава 2

После первых недель в Гималаях я отправил пробную пленку с фотографиями тибетской живописи, и мой редактор выразил свое одобрение. Оставалось лишь проникнуть в тайну этого типа живописи и объяснить ее глубинный смысл. Для этого мне нужно было встретиться с мастерами.

Во время долгого паломничества я прошел большую часть Гималаев, переходя от монастыря к монастырю, чтобы сфотографировать самые красивые картины, иногда находясь в пути неделю или две, чтобы достичь отдаленных мест. Мало-помалу я проникся чрезвычайно богатой и тонкой символикой этой магической картографии, отображающей состояния сознания при различных формах медитации. Теперь было необходимо перейти от теории к практике.

После шести месяцев напряженной работы я решил вернуться в Нью-Дели, чтобы доверить плоды своего труда одному дипломату, который лично доставил бы их моему редактору. Предстоящий год казался мне благоприятным для написания текста. Сделав фотографии для книги, я планировал стать последователем учения какого-нибудь велико-

го тибетского учителя. Прделанная работа дала мне возможность встретиться с высшими авторитетами различных школ. Теперь мне следовало вернуться к тем, кто произвел на меня самое большое впечатление, и попросить одного из них взять меня в ученики.

Как раз перед прибытием поезда на вокзал Дели отключилось электричество и на несколько минут погас свет. Когда снова включили освещение, я понял, что мой чемодан с пленкой и фотоаппарат исчезли.

В состоянии шока я подал жалобу в вокзальную полицию и пустился в отчаянные поиски.

Взбешенный и измученный, я провел ночь, обыскивая все близлежащие мусорные баки и напрасно допрашивая тех, кто спал на улице, в надежде, что вор бросил мою сумку с пленкой. Я думал о долгих и трудных переходах, о чудесах, которые я открыл, и иногда о моем долготерпении. Это были сотни километров, которые я прошел пешком, бесчисленные встречи и с трудом полученные разрешения и прежде всего сокровище из многих тысяч негативов, возможно, исчезнувших навсегда. На помощь мне пришла шайка сообразительных, находчивых уличных мальчишек, знавших окрестности, и я пообещал им большую награду. Наступил рассвет, никаких следов пленки найти не удалось.

Горько и разочарованно наблюдая, как исчезает мой шанс опубликовать книгу с замечательным редактором, я решил остаться в Дели дней на десять или пятнадцать. Первым де-

лом я снял номер с ванной в роскошном отеле на улице Джанпат, чтобы получить удовольствие, которого я не испытывал уже в течение нескольких месяцев. Я купался в реках, священных и обычных, в ручьях и озерах, но ни разу не принимал ванну. К этому времени я уже носил на шее несколько защитных шнурков от всех моих встреч с ламами и ринпоче. Я наполнил горячей водой ванну, стоящую на когтистых лапах, и, дрожа от удовольствия, погрузился в нее. Оказавшись внезапно в горячей воде, шнурки начали сжиматься, и я избежал удушения, только потянув их обеими руками. Это была жесткая посадка, очень тибетская по своей сути, прекрасно указывающая на непостоянство вещей.

Непостоянство – одно из основных понятий буддизма. Рано или поздно все заканчивается или изменяется.

Поскольку все взаимозависимо, лишено внутренней реальности и пусто, необходимо основываться на том, что не имеет характеристик: на пробуждении.

Это не пессимистический взгляд на жизнь, а, наоборот, мощное противоядие от иллюзий. Ясное восприятие непостоянства всех явлений перерастает в некое осознание, которое не позволяет миру стать статичным. В тот вечер непостоянство моей собственной жизни стало больше, чем просто концепцией.

Начиная со следующего дня я топил свое разочарование в

бассейне в объятиях двух молодых американок, с которыми познакомился в исторической ночлежке мисс Колако на улице Джанпат – гостевом доме, через который прошли все звезды поколения битников, известные или неизвестные поэты, музы и роковые женщины, а также значительная часть тех европейских и американских мечтателей, которые попали в духовный вихрь Беркли, большую волну протестов в американских университетах и последствий мая 1968 года.

В ночлежке мисс Колако можно было найти невероятную этническую и культурную мешанину, пестрое сборище, полностью находящееся в плену тантрической лихорадки, сведенной к ее простейшему выражению: безудержно освобождающей сексуальности. Там бывали Гинзберг и многие другие американские поэты. Музы читали слушателям стихи, одновременно зачарованные и сбитые с толку гашишем, а затем проводили любовные ночи в бесконечном экстазе с волосатыми гуру, ламами и йогами. Им помогал в этом «Черный Бомбей», убойная смесь опиума и гашиша из Афганистана или Кашмира.

Там можно было наблюдать левитацию, путешествия в прошлые жизни, сеансы измененного состояния сознания, реинкарнации, безумные эго, пожираемые демонами в тибетском обряде чод, таинственные оргии в лесах, пробуждения и трансы, молниеносные всплески кундалини, этой мистической глубинной энергии, представленной изображением в виде змеи, свернувшейся кольцами у основания позво-

ночника.

Одна женщина из Калифорнии рассказывала, как она занималась любовью с тигром-аскетом во времена Будды; итальянский поэт сообщал о своем спонтанном озарении при виде Махариши Махеш Йоги, идущего по аэропорту Дели. В этом базовом лагере просветления можно было узнать, каким путем тайно добраться до горы Кайлас и обойти ее, а также как встретиться с членами тайного братства Девадаси, или «слуг Бога», состоящего из женщин, занимающихся поэзией, музыкой, танцами и священным сексом. Они все еще существовали в нескольких храмах, как утверждали посвященные, затем предлагая дать вам нужные координаты. В их объятиях вы могли бы полностью познать экстаз, высеченный в камне в Каджурахо или Махабалиपुरаме.

Там обменивали пленку с записями Фрэнка Заппы на адрес опиумного притона в Старом Дели, паспорт – на имя непальского шамана с необычайными способностями, ночь любви – на передачу мантры, ритуальных формулировок, с помощью которых медитирующий подключался к определенным космическим силам. Все медитировали, входя в самый глубокий транс, нетерпеливо топчась у «дверей просветления», пытаясь проникнуть в его внутренние покои. Адепты индуистских гуру вступали в длительные споры с теми, кто был предан тибетским учителям, и ночь встречала рассвет в сонном оцепенении.

Один швейцарский гость не выходил из самадхи уже две-

надцать дней. Гопи, небесные доярки, любимые богами, приходили искушать его или доставлять ему наслаждения. Некоторые пытались защитить его, другие кричали ему в ухо безумные слова. Швейцарец пребывал в глубоком оцепенении, а мисс Колако наблюдала за всем этим мистическим возбуждением усталым и пристальным взглядом. Поджидала тайных гостей, когда они проходили мимо, и, чтобы угодить им, притворялась, что верит их тысячам историй об исчезнувших чеках и призрачных кредитных переводах.

«Камасутра», классический трактат по индуистскому мистическому эротизму, всем открывала свои секреты, и через мансардные окна можно было наблюдать самые удивительные совокупления будущих тантристов или радостно присоединиться к ним самому в то удивительное время, когда в ночлежке мисс Колако обитали только неопасные вирусы.

Пятнадцать дней невероятных событий на этом мистическом базаре снова вернули меня на дорогу в Калимпонг, где я вновь посетил его святейшество Дуджома Ринпоче. Вежливого человека, впечатляющего на вид, иерарха йогов школы ньингма и великого мастера дзогчена, практики, которая состоит из спонтанного осознания природы собственного разума независимо от какой-либо концепции или учения. Дзогчен очень близок к махамудре школы кагью, которая испытала его влияние. Дзогчен, в свою очередь, подвергся влиянию чань-буддизма и шиваистского тантризма, основное учение которого, Пратьяхиджня, буквально озна-

чает «спонтанно осознавать природу своего разума, или истинного „Я“». Эти четыре школы относятся к «внезапному» типу учений и описываются как ануपाия, или не-метод. Они являются результатом и квинтэссенцией йоги и тантры.

Я надеялся обучаться у Дуджоме Ринпоче, но полиция давала иностранцам разрешение только на трехдневный визит. Этот великий мастер послал меня к одному из самых впечатляющих лам кагью Калу Ринпоче, который в основном передавал махамудру и находился в более доступном регионе.

Несколько дней спустя я прибыл в Сонаду, где бесконечно доброе выражение лица Калу Ринпоче вернуло меня к духовной реальности. Мое несчастье, потеря результатов моего труда были для лам высокой комедией. Монастырь сотрясся от приступов всеобщего смеха. Калу Ринпоче просто сказал мне, что преждевременно публиковать такую книгу. Когда он таким образом напомнил мне о непостоянстве, я смог под его руководством продвигаться к более глубокому пониманию природы своего разума.

Карма – то есть действие, а также его значение и последствия – вернула меня на путь благодаря вмешательству вора. Все мои духовные приключения были вызваны кражей в Дели, и без нее я, вероятно, мог упустить свой самый большой шанс. Со временем моя ненависть к вору превратилась в принятие, а затем в глубокую благодарность. Несколько недель спустя Калу Ринпоче дал мне имя в дхарме – Карма Сонам Чопел (тот, кто благословлен кармой и кто может

овладеть путем).

Последующие месяцы были посвящены интенсивной практике. Я посещал ежедневные занятия с Калу Ринпоче в качестве первой инициации. Большую часть времени я проводил в комнатах Ринпоче или, устроившись в башенке храма Сонады среди мешков с зерном, тренировался визуализировать мандалу моего божественного покровителя. Путем последовательного поглощения и растворения эта медитативная техника позволяла в течение длительного времени чувствовать пустоту разума.

Я прятался от индийской полиции, которая из-за пограничных проблем с Китаем сократила пребывание иностранцев в этом регионе Индии до трех недель.

Когда меня наконец арестовали и отвезли к государственной границе на военном джипе, я уехал в Далхаузи, куда обещал скоро приехать Калу Ринпоче. Я ждал два месяца, погружаясь в свою копию Виджняна-бхайрава-тантры. Одним прекрасным утром, получив предупреждение во сне, я начал спускаться по длинной грунтовой дороге и увидел Калу Ринпоче, приближающегося ко мне верхом на лошади в окружении монахов. Он остановил лошадь и на несколько секунд положил руку мне на голову. Я купался в свете.

После торжественного приема в главном монастыре под звуки труб и раковин я прошел с Калу Ринпоче в маленькую горную обитель, где он должен был дать последние уроки махамудры пяти йогам. Все они прибыли в один и тот же день,

без сомнения, получив предупреждение, как и я. Некоторые шли уже много недель, их длинные волосы, завязанные узлом, служили убежищем для множества прыгающих паразитов. С необычайно напряженными преданными взглядами, сосредоточенными на тонком силуэте Калу Ринпоче, йоги следили за каждой интонацией его мягкого, вибрирующего голоса. Как и они, я был полностью поглощен силой передачи сказанного, не понимая смысла слов. Я прошел эту последнюю инициацию в тибетский буддизм лишь много лет спустя.

Тем не менее вместе со взятой на время камерой я привез из поездки в Непал книгу «Тантрические скульптуры Непала», которую Кристиан Буржуа опубликовал в издательстве *Éditions du Rocher*.

По совету Калу Ринпоче, очень беспристрастного в своем подходе к разнообразным мистическим путям, я отправился в Таиланд, в монастырь, где практиковали особенно интересную форму медитации. Я научился концентрироваться на светящейся жемчужине, расположенной на три сантиметра ниже пупка, и таким способом проходить сквозь завесы общепринятой иллюзии. Для проживания в монастыре настоятель выделил мне чудесный маленький храм посреди роскошного сада. Там же находились полдюжины японских дзен-буддистских монахов, которые по совету своих учителей пришли, чтобы пройти посвящение в практику «Малой колесницы». Универсальный дух Калу Ринпоче был открыт

для практик различных школ, и знание о них казалось ему важным. Он не участвовал в спорах между тибетскими сектами, сосредоточив внимание на истоках буддизма, Хинаяне, или «Малой колеснице», чань-буддизме, даосизме и индийском тантризме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.